

Учреждение Российской академии наук
Институт философии РАН

На правах рукописи

БАБАЛАЕВА Мария Викторовна

**ВИКТОР ФРАНКЛ: ФИЛОСОФСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ СМЫСЛА
СТРАДАНИЯ**

**Специальность 09.00.13 – «Религиоведение, философская антропология
и философия культуры»**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Москва - 2008

Работа выполнена в секторе истории антропологических учений
Учреждения Российской академии наук Институт философии РАН

Научный руководитель

доктор философских наук,
доктор
филологических наук,
профессор **П.С.Гуревич**,
зав. сектором «История
антропологических учений»
ИФ РАН

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
И.С.Вдовина,
гл. научный сотрудник ИФ РАН

доцент, кандидат
философских наук **Э.М.Спирова**,
зам. зав. кафедрой психологии МГУТУ

Ведущая организация:

МГУ,
кафедра философской антропологии

Защита диссертации состоится «_____» _____ 200__ г. в
_____ час. _____ на заседании Диссертационного Совета (шифр
Д.002.015.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора
философских наук при Институте философии РАН по адресу: 119991,
Москва, ул. Волхонка, д. 14, зал заседаний Учёного совета (к. 524).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии
РАН.

Автореферат разослан «_____» _____ 200__ г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
Кандидат философских наук**

А.Р.Фокин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность избранной темы исследования обусловлена, прежде всего, укоренённостью современной экзистенциалистской рефлексии. Философы всё чаще обращаются к философскому размышлению по поводу таких экзистенциалов, как забота, тоска, страдание, фанатизм, тревога, печаль, страх. В философской антропологии утвердилось представление о том, что человек не может руководствоваться в своём поведении только инстинктами в силу их слабости и ненадёжности. Мир человеческих страстей, по мнению Э.Фромма, создаёт дополнительную систему ориентаций для людей. Властолюбие, корыстолюбие, свободолюбие, любовь, – не они ли правят миром? В ряду человеческих экзистенциалов особую роль играет страдание. Исторический опыт показывает, что человек вовсе не рождён для счастья, как птица для полёта. В своей жизни он встречается с катастрофами, болезнями, крушением надежд и смертью. Неужели страдание – вечный удел человека? Можно ли избежать мучительной душевной боли? Есть ли смысл в том, что человек страдает? Можно ли говорить об искупительном содержании страдания? Не является ли приверженность страданию обыкновенной мазохистской перверсией? Эти вопросы неизменны в философском постижении.

Современная культурная практика далека от культа страдания. Нынешний тип цивилизации пытается убедить людей в том, что человек рождён для наслаждения, а цель информационного производства состоит в том, чтобы обеспечить человеку максимум удовольствий. Сегодня аскетизм не имеет общественного признания, а постмодернизм считает человека «машиной желаний».

В современной культуре аскетизм никем не рассматривается как ценность. Многие люди хотят иметь множество товаров, различных жизненных благ, потреблять всё, что может предложить постиндустриальная цивилизация. Господство таких ценностных ориентаций вызывает тревогу у социальных мыслителей. Как отмечал американский социолог Д.Белл, нынешняя цивилизация вызвала потребительский энтузиазм, спровоцировала различные потребности, которые невозможно удовлетворить, поскольку земные энергетические ресурсы не беспредельны. Между тем, люди стремятся потреблять все больше и больше. Эпиграфом к книге «Культурные противоречия капитализма»¹ Белл мог бы взять слова Н.А.Некрасова:

«Громадная,
К соблазну жадная
Идёт толпа...»²

¹ Белл.Д Культурные противоречия капитализма // Пер. с англ. А.К.Оганесяна. Выполнен по изданию: Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976

² Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Николай Некрасов. – М.: Астрель, 2006. – С. 224

Особенность нашего времени состоит в том, что множество ценностных ориентаций стало постепенно стягиваться к единой точке. Ради богатства сегодня можно пренебречь честью, дружбой, верой, святостью, достоинством. Вот почему ценностный аспект бытия нуждается сегодня в глубоком философском постижении.

Реклама уверяет покупателей, что во вселенной не найти абсолютных ценностей, а вера в сверхъестественное – не более, чем предрассудок. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается. Её цель – наслаждение, доступное в единственном для нас мире. Каждое общество вырабатывает собственный этический код для себя самого. Поскольку счастье – венец жизни и поскольку мы есть существа разумные, мы имеем право судить самостоятельно, когда жизненные тяготы перевешивают радости жизни и когда наступает срок прервать свой жизненный путь – то ли собственными руками, то ли при помощи семьи и врачей.³

Современный человек в такой системе ценностей есть «Всё», но в то же время «Ничто». При этом происходит распад личности: она удваивается, утраивается, становится множественной и в этом состоянии перестает быть личностью. Родители нередко ставят перед детьми странную задачу: «Будьте никем». Иначе говоря, не надо стремиться к тому, чтобы состояться, получить образование, добиться личностного роста. Это весьма трудно, это напрягает. Лучше просто идти по жизни, без особых усилий...

Мир превращается в арсенал моделей, противоположность искусственного и естественного исчезает. Создание искусственного климата, возможности моделирования собственного тела и даже полное воспроизведение себя путём клонирования, изменение психологического образа приводит к тому, что сама личность растворяется в потоке сменяющихся образов.

История человечества знает и иные модели жизнеустройства. Христианство обрело колоссальную популярность благодаря свойственной ему идеи жертвенности. «Христианская цивилизация – это не только мир Церкви, – говорит современный публицист и социолог А.Ципко, – мир тела Христова, это ещё и система христианских ценностей, которые вошли в культуру, в быт, в систему представлений, что можно и что нельзя. Христианскими представлениями о грехе и покаянии, о сострадании, о любви к ближнему была пронизана вся классическая русская литература».⁴ Жертвенность – нравственная установка, предполагающая предельное бескорыстие по отношению к другому, включая готовность к реальному отступлению от собственных интересов в пользу людей.

Идея жертвенности благородна и созидательна. Материнство – первооснова нашего бытия, это самоотречение. Несомненно, и любовь

---

³ Бито Л. Эвтаназия? Эвтелия! Счастливая жизнь – благая смерть // Ласло Бито, пер. с венг. Т. Воронкиной. – М.: Энигма, 2006

⁴ Спасёт ли православие христианскую цивилизацию? Круглый стол «Литературной газеты» \\\n Литературная газета, 2007, № 27. - С. 4

предполагает жертвенность. Но разве женщина, вскормившая ребёнка, обречена на отступничество от земных радостей? Неужели любовь не несёт в себе ощущение полноты бытия? Жертва – это и обретение, причём не обязательно только в последующей связи.

В центре христианской нравственности – Крест. Самополагание Бога в жертву за человеческий род, за каждого человека в отдельности есть выражение Его сущностной любви. Иисус Христос, распятый на кресте, не только становится в один ряд со страдающим человечеством, но и открывает новый путь нравственного развития. Это путь добровольной жертвенности может быть приемлемым для человека только в свете Воскресения Христова.

Если мы говорим, что человек создан по образу Бога, то по Его же образу он должен и любить, жертвуя собой ради ближних и дальних, потому что такая жертвенность запечатлена в самом Христе. Каждый человек, называющий себя его последователем, призван повторить в жизни духовные постулаты Сына Божьего. Но это вовсе не значит, что в каждом конкретном моменте нравственного выбора христианин должен руководствоваться примером жертвенного служения Христа. Когда мы говорим, что в основе нравственности любого христианина должна быть любовь по примеру любящего мир Бога, то имеем в виду именно жертвенное служение Богу и ближнему. Любовь немислима без жертвенности. Хотим мы этого или нет, но эта жертвенная любовь лежит в основе человеческого общежития. Однако жертвенность – не самоцель, не политический лозунг.

«Трагедия наших детей, которые лишены своих собственных родителей, – пишет кандидат богословия А. Ранне, – заключается именно в том, что общество не нашло достаточно веских аргументов для утверждения в нашей жизни именно жертвенного служения».⁵ Горечь, однако, в том, что в нашей стране именно идея жертвенности (в её преобразованном виде) эксплуатировалась и насаждалась сталинизмом. Разве ратоборцы «казарменного социализма» не призывали к аскетизму и отречению? Кто, как не они, предлагали сложить жизни к подножию будущих поколений во имя сияющих вершин? Разве им недоставало аргументов для обоснования жертвенного служения высоким идеалам? Была жертвенность, были жертвы... Невинные восходили на плаху. Опозоренные, смиренно склоняли головы. Миллионы шли на Голгофу, уверенные в грядущем торжестве намеченных целей. Как измерить цену утраченного, рухнувших святых надежд? Нужны ли искупительные жертвы, чтобы торжествовало зло? Не расплачиваемся ли мы сегодня за тупую покорность, за окаменение мысли и чувства?

Изведав опыт слепой, бессмысленной жертвенности, мы хотим сегодня возродить нравственные ценности, укрепить дух преобразования жизни. Нас заботят судьбы человеческого рода. Мы хотим утвердить идеал

---

⁵ Ранне А. «Управитель прекрасного сада» \\\ журнал Наука и религия, 1988. - С. 21

свободной мысли в свободной стране. И конечно, нравственным гарантом секулярного общества может быть только ближайшая заинтересованность каждого конкретного человека в общественной судьбе человечества.

Объектом исследования является философское постижение страдания как феномена.

Предметом исследования служит рассмотрение сугубой оригинальности в подходе к страданию, которая содержится в трудах В.Франкла.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы дать, по возможности, разностороннее философское истолкование феномена страдания в работах австрийского философа и психолога В.Франкла.

Задачи исследования заключаются в том, чтобы

- показать место философской версии страдания, разработанной в трудах В.Франкла, в истории европейской философии вообще и философской антропологии в частности;
- раскрыть особенности трактовки страдания в работах В.Франкла, позволяющие выразить специфику его экзистенциальной концепции;
- оценить вклад В.Франкла в разработку данной проблемы с учётом трагического опыта XX века;
- обозначить связь концепции В.Франкла с современной философской антропологией;
- выявить тенденции дальнейшей разработки концепции В.Франкла в современной философской литературе.

Степень разработанности темы

Страдание как феномен открыто обсуждалось на протяжении всей человеческой истории. И в то же время причинение страданий игнорировалось, не замечалось. «Высшее существо этого мира, мы видим, во многих отношениях слабее низшей твари. И первое ощущение трагичности жизни является в этом познании слабости человека среди окружающего мира в том, что он и высшее творение в этом мире, и одновременно – наиболее хрупкое.

Трагично страдание праведников и страдание каждого человека за правду. Трагична земная тщетность многих чистых жертв и святых усилий души, измена друзей и пусть недолгое, но чистое торжество злых деятелей в истории. Трагично и то, что высокое и святое унижается, предаётся, распинается, а низкое торжествует... И вершина трагизма истории – Голгофа Богочеловека».⁶

Уже в античной философии сложились различные версии, в рамках которых обнаруживалось философское постижение страдания. Так, согласно этике эвдемонизма, в своём поведении человеку необходимо

---

⁶Архиепископ Иоанн Сан-Францисский.(Шаховской) Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. - С. 471

стремиться к золотой середине. Склонность к умеренности является для него оградительным щитом от возможных страданий. Выход за обозначенный предел неизбежно сталкивает человека с действительностью, полной разочарований, лишений и невзгод. Эвдемонистическая традиция Эпикура проповедует «незаметную жизнь», свободную «от телесных страданий и душевных невзгод».⁷ Хотя такой уход не придаёт реальности желаемые очертания, но он определённо смягчает её неминуемые удары.

Стоическая философская школа несколько иначе трактует страдание. Стремление к самодостаточности посредством благодетели, высшего морального постулата стоической традиции, – таков путь к идеалу, то есть к бесстрастию и апатии. Стоицизм – это учение о самоспасении от страдания и достижении состояния покоя. В этике стоиков находит отражение моралистический эвдемонизм, ставящий акцент на умении правильно переносить физическую и нравственную боль, дабы свести к минимуму неизбежные мучения. Необходимо признать, что стоическая этика свидетельствует о высоком нравственном усилии человека, однако она носит оттенок пессимизма. Это – этика страха перед страданиями жизни и смерти. Один из крупнейших представителей стоицизма Луций Анней Сенека призывает к покорности судьбе, к примирению с роком. По мнению мыслителя, человек должен жаждать безмятежной жизни не ради стремления к счастью, но ради приобретения покоя. Искусство мудреца, философа заключается, по Сенеке, в умении укрощать беды, делать кроткими страдание, нищету, поношение, темницу, изгнание⁸, Истинной целью философии мудрец признаёт формирование таких черт характера человека, при которых он оказывался бы способен противостоять всем ударам судьбы.

Фундаментальные основы понимания истинного предназначения страдания заключены во всех мировых религиях, в частности, в буддизме. Основопологающим тезисом буддизма является формула: «Жизнь есть страдание». Раннее учение Будды признаёт, что жизнь представляет собой бесконечную вереницу сменяющих друг друга страданий. Но все несчастья и беды, приходящиеся на долю людскую, несут в себе освобождающую силу нравственного воспитания, базирующуюся на способности человеческого рода к самосовершенствованию.

Однако подлинное видение страдания как центральной антропологической категории мы находим в христианстве. «Страдание связано не только с беспомощным животным состоянием человека, – отмечал Н.А. Бердяев, – но также и с его духовностью, с его свободой, с его личностью, т.е. с его высшей природой. Отказ от духовности, от свободы, от личности мог бы облегчить страдание, уменьшить боль, но это означало бы отказ от достоинства человека. Да и ввержение человека в низшее

---

⁷ Эпикур приветствует Менекея // *Материалисты Древней Греции*. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М.: Гос-ое изд-во политической литературы, 1955. – С. 211-212

⁸ см. Сенека Л.А. «Нравственные письма к Луциллию», М.: Алетейа: Новый Акрополь, 2000. - глава 85, параграф 41

животное состояние ни от чего не спасает, потому что жизнь в этом мире не бережётся и не охраняется...»⁹

Наиболее значимые философские трактовки мы находим в наследии таких философов, как, Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, И.Кант, В.С.Соловьёв, Виктор Франкл, А.Шопенгауэр. Разностороннюю оценку страдания дали философы-экзистенциалисты М.Бубер, А.Камю, С. Кьеркегор, Ж.-П.Сартр, С.Л.Франк, М.Хайдеггер, К.Ясперс и др. В отечественной философской литературе проблемам страдания посвящены работы С.С.Аверинцева, Р.Г.Апресяна, В.С.Барулина, П.П.Гайденко, П.С.Гуревича, А.А.Гусейнова, Д.А.Леонтьева, Е.Н.Некрасовой, В.С.Стёпина, В.К.Шохина.

Методологическая и теоретическая основа исследования

В диссертационном исследовании, прежде всего, нашли отражение положения экзистенциальной философии. Ведущим методологическим фундаментом исследования является структурно-генетический подход, в котором структурная сторона представлена предметностью философской (в частности, философско-исторической) мысли, а генетическая – индивидуальной неповторимостью, уникальностью самого философа как места общезначимого события.

Научная новизна диссертационного исследования

Основополагающая теоретическая идея исследования базируется на следующих положениях:

- впервые в отечественной философии прослеживается разносторонняя трактовка феномена страдания в экзистенциальной рефлексии В.Франкла;
- отмечено, что философская трактовка страдания в работах В.Франкла тесно связана с историко-философской традицией и в то же время является новой, впитавшей в себя трагический опыт минувшего столетия;
- раскрыто специфическое мироощущение человека в предельных условиях выживания и базирующееся на этом утверждение человеческого достоинства и глубинный катарсический эффект;
- выявлена роль страдания как одного из важнейших свойств человеческой природы;
- проанализировано принципиальное отличие страдания от мазохистской перверсии.

Источниковую базу исследования составили труды философов разных эпох: Сенеки, Августина Блаженного, А.Шопенгауэра, Х.Ортега-и-Гассета, Ф.Ницше, Н.А.Бердяева, Э.Фромма, М.Хайдеггера, К.Ясперса, в трудах которых чётко прослеживается связь

---

⁹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика. 1993. - С. 289

антропологической, онтологической и философско-исторической проблематики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Страдание – живое, трепетное, экзистенциальное переживание. Я страдаю – значит, я существую. Страдание связано с самим существованием личности и личного сознания. Если я принимаю жизнь, то я принимаю и страдание. Оно есть основная тема всех религий искупления и основная религиозная тема. Страдание есть опыт жертвы части во имя целого. В человеческом вопрошании о страдании наибольший интерес представляет буддизм, стоицизм и христианство. Вместе с тем эта тема заняла важное место в философии Шопенгауэра, в русской религиозной философии и экзистенциализме.

2. В.Франкл описал ужасы концентрационного лагеря. Но его работы вовсе не апологетика жалости, не голос виктимного неудачника. Это демонстрация мужества, силы духа и школы выживания. Мировая психология обогатилась множеством открытий, которые раскрывают действие психологических механизмов на краю жизни. В работах В.Франкла описана «психопатология масс», выделены схожие реакции людей, находящихся в ситуации шока, безвыходности, постоянной угрозы смерти. Вместе с тем показано, что попытка гестаповцев насильственно привить каждому заключённому психологию и поведение ребёнка, подавить индивидуальность, разрушить способность человека к самополаганию, предвидению оказалась несостоятельной. Способность думать о будущем в условиях крайней изоляции оказывается весьма эффективной. Выживание человека зависит от умения сохранить за собой некоторую область свободного поведения, удерживать контроль над какими-то важными аспектами жизни, любой ценой оставить за собой некоторую автономность и сберечь человеческое достоинство, несмотря на условия, которые кажутся непреодолимыми.

3. Страдание может быть мазохистским, не связанным с попыткой его преодоления. Человек настолько странное существо, что он ищет не только освобождения от страдания. Он ищет страдания и готов истязать себя и других. Страдание связано с трагической основой жизни и имеет глубокий источник. Но это вовсе не предполагает, что человек – раб страдания. Страдание побеждается любовью, всем жизненным устремлением человека к счастью.

4. Страдание связано с глубинным катарсическим эффектом. Оно способно перестроить внутреннюю структуру личности, вызвать возвышенные чувства, выстроить новую стратегию жизни.

5. В.Франкл связывает страдание с психологией выживания в концентрационном лагере. Полемическая оценка этого суждения предполагает, что такой опыт не является исключительным. Сегодня жизнь сама по себе чревата непредвиденными чрезвычайными ситуациями – нигилизмом, терроризмом, попыткой взнуздания истории. В этой точки

зрения изучение феноменологии страдания остаётся актуальной исследовательской задачей.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты диссертационного исследования могут быть применимы при дальнейшей разработке экзистенциального мышления, развития философской антропологии, более основательного изучения философской рефлексии минувшего столетия. Они могут быть значимы также при изучении психологии экстремальных ситуаций, при анализе преобразования современных ценностных ориентаций. Полученные результаты могут быть использованы при чтении лекции по истории философии, философской антропологии и спецкурсов по экзистенциальной тематике.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии, отражающих существо рассматриваемой проблемы и логику исследования.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Исследование состоит из введения, четырёх глав и заключения. Во *введении* рассмотрена актуальность исследования, поставлена проблема диссертации, приводятся цели, задачи, указывается новизна исследования и излагаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Место концепции Франкла в философском постижении феномена страдания» данный феномен характеризуется как состояние, противоположное наслаждению. Называются многие причины, способные его вызвать – физическая боль, горе, страх, тревога, тоска, раскаяние. Страдание открыто обсуждалось на протяжении всей человеческой истории. И в то же время причинение мучений игнорировалось, не замечалось. Муки, душевные или физические, никогда не исчезали из жизни на сколько-нибудь значительный период. Ставится проблема – какую роль играет страдание в жизни человека? Христианская теология считает страдание расплатой за грехи. В то же время именно через страдание можно добиться искупления. Сострадание в этом смысле оказывается универсальным, поскольку любовь к ближнему постоянно вызывает жалость и сочувствие.

Страдание – вечная неудовлетворённость воли временными и промежуточными целями на пути её бесконечного стремления. А. Шопенгауэр писал: «Мы давно уже признали, что это стремление, составляющее ядро и в себе бытие каждой вещи, есть то, что в нас, где оно открывается яснее всего при свете полного сознания, называется волей. И тогда мы называем препятствие, которое стоит между ней и её временной целью, страданием, напротив, достижение цели – удовлетворением,

благополучием, счастьем».¹⁰ Оказавшись на вершине эволюции, человек стал самым уязвимым среди организмов, когда ему приходится страдать, и самым изобретательным, когда он в состоянии причинить страдания другим. Потребовалось десять миллионов лет, чтобы человеческая способность причинять боль и страдания достигла современного состояния.

По мнению современного американского учёного Р.Дж.Сью, после десяти миллионов лет генетической и культурной эволюции все основные факторы, необходимые для установления страдания как способа устрашения были, наконец, интегрированы в социальное поведение.

Сью называет их: 1) причинение страданий как решающего средства приобретения и господства (10 млн. лет до н.э.); 2) появление рук (примерно 3 млн. лет до н.э.) и последующее эволюционное развитие; 3) возникновение способности создавать виртуальное присутствие и реагировать на него (около 600 тыс. лет до н.э.); накопленные изобретения и усовершенствование оружия для нанесения физических повреждений (примерно 65 тыс. лет до н.э.); объединение индивидов в организованные сообщества (около 9 тыс. лет до н.э.). Начиная с девятого тысячелетия до н.э. стремительно развивалось каждое из этих «умений». Причинение страдания возросло по частоте, интенсивности и размерам. Человеческая история оказалась летописью наказаний всевозможных видов, что свидетельствует, по мнению автора, о скрытой генетической склонности к причинению страдания, свойственной человеческому роду.¹¹

Шопенгауэр полагал, что стремление всегда возникает из какого-либо недостатка, из недовольства своим положением, следовательно, представляет собой, пока стремление не удовлетворено, страдание; но удовлетворение никогда не бывает длительным, оно всегда – только начало нового стремления. Мы видим стремление постоянно наталкивающимся на препятствия, постоянно в борьбе; следовательно, всегда как страдание: нет последней цели стремления, нет, следовательно, и меры и цели страдания.

«Жизнь предстаёт как беспрерывный обман в малом и великом. Если она что-либо обещает, – пишет А.Шопенгауэр, – она не держит своих обещаний, разве что для того, чтобы показать, насколько недостойно желания быть желаемое; так как нас обманывает то надежда, то предмет нашей надежды. Если жизнь что-либо дала, то лишь для того, чтобы отнять. Очарование дали рисует нам райские красоты: они исчезают как оптический обман, как только мы поддаёмся соблазну увидеть их. Счастье всегда находится в будущем или в прошлом, а настоящее подобно маленькому тёмному облаку, которое ветер гонит над освещённой солнцем местностью: перед ним и за ним всё светло; лишь оно само постоянно отбрасывает тень. Поэтому настоящее никогда не даёт удовлетворения, будущее же неопределённо, а прошлое неотвратимо».¹²

---

¹⁰ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Соч. в 4 т. Т. 1, М.: Наука, 1993. - С. 410-411

¹¹ Siu R.G. H. *Panetics*.: The study of infliction of suffering. L., 1989

¹² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Соч. в 4 т., Т. 2, М.: Наука, 1993. - С. 567

Феномен страдания широко осмысливается и в русской религиозной философии. «Страданием в смысле объективном или логическом называется определение чего-либо другим, – писал В.С.Соловьёв, – для него внешним; этому со стороны субъективной или психической соответствует вообще неприятное или болезненное ощущение какого бы то ни было рода».¹³ В.С.Соловьёв критиковал точку зрения А.Шопенгауэра, который свёл к состраданию всю нравственность. Излагая позицию Э.Гартмана, который полагал, что всякое действительное бытие по существу своему есть страдание и бедствие, В.С.Соловьёв подчёркивал: «Итак, в этой системе страдание и отчаяние отдельной особи снимаются в страдании и отчаянии всего сущего, частное, единичное самоубийство заменяется самоубийством всеобщим, коллективным».¹⁴ Как показал Н.А.Бердяев, отношение христианства к страданию двойственно и парадоксально. Только оно принимает страдание и имеет до конца мужественное отношение к страданию. Христианство учит не бояться страдания, ибо страдали и сам Бог, и Сын Божий. Все остальные учения, считал Н.А.Бердяев, боятся страдания и бегут от него.

Стоицизм и буддизм – высокие типы нехристианских нравственных учений – объясняют как стать нечувствительным к горестям и достичь бесстрастия. По отношению к стоицизму русский философ не совсем точен. Стоики не отвергали страдания. Они предлагали идти навстречу опыту жизни, полной гнетущих переживаний. Вот что пишет, например, римский философ Сенека: «Действительно, каким образом человек, захваченный страстью к удовольствиям, устоит против тяжёлого испытания, опасности, нищеты, против столь грозных бедствий, обуревающих человеческую жизнь? Разве у него хватит сил перенести вид страдания и смерти? Разве его не приведут в смятение громовые удары и такое множество лютых врагов, когда он побеждён столь захудалым противником? Он будет делать все, что ему внушит страсть к удовольствиям».¹⁵

Истинное предназначение страдания находим в христианстве. «Какая воспитательная и очистительная сила, – отмечает И.Ильин, – присуща духовно осмысленному страданию! Ибо страдание побуждает дух человека, ведёт его, образует, оформляет, очищает и облагораживает...<...> В нём закаляется стойкость, мужество, самообладание и сила характера. Без страдания нет ни истинной любви, ни истинного счастья. И тот, кто хочет научиться свободе, тот должен преодолеть страдание».¹⁶ Для многих людей, стоящих вне христианства, существование в мире столь многих страданий представляется несовместимым с верой во всемогущий, всеведущий и всемилостивый образ личного Создателя.

Мрачную оценку страдания и его роли в жизни людей находим у А.Шопенгауэра. Он писал: «Если ближайшая и непосредственная цель

¹³ Соловьёв В.С. Соч. в 2 т., Т. 1, М.: Мысль, 1990. - С. 81

¹⁴ Соловьёв В.С. Соч. в 2 т., Т. 1, М.: Мысль, 1990. - С. 100

¹⁵ Сенека Луций Анний О счастливой жизни \ Римские стоики. М., 1995. - С. 175

¹⁶ О пользе страданий и лишений. Сост. А. Баранов / Иван Ильин, О страдании. – М.: ОБРАЗ, 2006. - С. 19

нашей жизни не есть страдание, то наше существование представляет собой самое бестолковое и нецелесообразное явление. Ибо нелепо допустить, чтобы бесконечное, истекающее из существенных нужд жизни страдание, которым переполнен мир, было бесцельно и чисто случайно. Хотя каждое отдельное несчастье и представляется исключением, но несчастье вообще – есть правило».¹⁷ Немецкий философ называет большой нелепостью стремление большинства философских систем представить зло как нечто негативное, тогда как, по его мнению, оно есть как раз нечто позитивное, дающее само себя чувствовать. По мнению Шопенгауэра, негативно добро, благо, т.е. всякое счастье и всякое удовлетворение как простое прекращение желания и окончание какой-либо муки. Мыслитель утверждал: «С этим согласуется и то обстоятельство, что мы обыкновенно находим радости далеко ниже, а страдания – далеко выше наших ожиданий».¹⁸

Чтобы аргументировать свой парадоксальный вывод, Шопенгауэр предлагает сравнить ощущения двух животных, пожирающего и пожираемого. Мы похожи на ягнят, которые резвятся на лугу, в то время как мясник выбирает глазами того или другого, ибо мы среди своих счастливых дней не ведаем, какое злополучие готовит нам рок – болезнь, преследование, обеднение, увечье, слепоту или сумасшествие.

Датский религиозный философ, предшественник экзистенциализма Серен Кьеркегор считал, что страдание человека связано с его одиночеством.

В книге «Страх и трепет»¹⁹ он пишет, что боль возникает от осознания, что Бог творит мир из ничего; поэтому, с его точки зрения, реальность есть ничтожество, иллюзия бытия.²⁰ Бог не знает, что такое ничто. Оно открывается только человеку. Как это происходит? В состоянии страха? «Осмысление феномена страха открывает человеку основу его существования – направленность его к ничто; ничто – вот то, что предшествовало рождению человека, что составляло тайну его невинности, «переступить границу», отделяющую его от животного, от всякого природного существа».²¹

Страх не только порождает страдание. Он обладает статусом «сладкого ужаса» – манит, притягивает:

Всё, всё что гибелью грозит
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...²²

В труде «Страх и трепет» интерпретируется известная притча об Аврааме, которому Бог приказал принесли в жертву единственного сына Иакова. Возникает вопрос: если Господь знал, как поступит Авраам, зачем

¹⁷ Шопенгауэр А. К учению о страданиях мира // А. Шопенгауэр. Сб. произведений. Минск, 1998. - С. 70

¹⁸ Там же, С. 71

¹⁹ Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат., коммент. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева; М.: Республика, 1993

²⁰ См. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX в. М.: Республика, 1997. - С. 234

²¹ Там же, С. 234

²² Пушкин А. С. Пир во время чумы. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 5, М.: Издат-во Академии Наук СССР, 1957. - С. 419

же он его мучил? Как заметил ещё Августин Блаженный, Бог знал, но Авраам не ведал, что выдержит испытание. А пока он не пришёл к решению, что изберет, нельзя говорить о выборе. Важна реальность послушания, само его действие. Бог понимал, что Авраам сделает так, а не иначе. Считая, что проверка не нужна, мы, в сущности, объявляем ненужным всё, ведомое Богу.

Моё собственное индивидуальное страдание, конечно же, взято из всеобщего опыта. Другие люди, как и я, в иных или сходных ситуациях также испытывали мучения. Как это постигалось в истории человечества? Возможно, были целые эпохи, когда человек не ощущал хрупкости своего существования. Иерусалимский философ Мартин Бубер, размышляя о том, что порождает страдание в родовом опыте человечества, называет такие источники страдания, как распадение единой картины космоса, целостного представления о самом себе, атомизацию социума. Касаясь первой проблемы, М.Бубер отмечает, что в истории было немало периодов, когда человек чувствовал прочность его мира и то, что этот мир надёжно размещён, как сказано в христианской аллегории, между хаосом и небесами.²³

Скажем, в эпоху языческой античности греки видели мир замкнутым пространством, в котором соответствующее место отведено и человеку. Человек в восприятии греков был лишь частичкой космоса. Он имел свой угол в мироздании. Это порождало безмятежное самочувствие: небо покровительствовало человеку. Разумеется, страдание возникает не только по причине бездомности. Однако в целом Вселенная казалась грекам благоустроенной: у них был свой дом.

Христианство, судя по всему, разрушило это ощущение земной тверди, заключённой в некое гармоническое единство. Оно показало, что дом может полететь в бездну. Таково возвешение апокалипсиса. Возможно, это переживание ужаса не согласуется с изначальным духом данного учения. Но именно христианство лишило людей чувства безмятежной гарантированности бытия.

Покуда индивид борется с собственными призраками, обнаруживается, что космос вовсе не служит надёжным обиталищем для него. Человек постренессансной эпохи ощущает себя одиночкой перед бесконечностью. Он открывает страшные пространства Вселенной, которые охватывают его со всех сторон. Он ощущает себя связанным в одном углу неизмеримой бесконечности, воспринимает себя как тень, которая длится одно мгновение и никогда не возвращается. Человек вопрошает: кто меня создал? По чьему приказу и под чьим руководством определены для меня именно это место и это время? Перед всемогущим величием природы, гор, морей, бесконечной звёздной ночи к человеку приходит ощущение подавленности. Вечное молчание бесконечных миров ужасает его.

---

²³ Бубер М. Два образа веры // Пер. с нем., М.: Республика, 1995 - С. 211

Известный французский философ Альбер Камю связывает человеческое страдание с абсурдностью жизни. С этих позиций он трактует известный античный миф о Сизифе. Боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз. У них были основания полагать, что нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадёжный труд. Говорят, что умирая, Сизиф, решив испытать любовь жены, приказал ей бросить своё тело на площади без погребения. Так он оказался в аду. Возмущённый столь чуждым человеколюбию послушанием, Сизиф получил от Плутона разрешение вернуться на землю, дабы наказать супругу. Но стоило ему вновь увидеть и ощутить воду, солнце, теплоту камней и морей, как у него пропало желание возвращаться в мир теней. Напоминания, предупреждения и гнев богов были напрасны. Многие годы он продолжал жить на берегу залива, где шумело море и улыбалась земля. Потребовалось вмешательство богов: явился Меркурий, схватил Сизифа и силой утащил в ад, где его уже поджидал камень...²⁴

Страдание – одно из глубинных экзистенциальных переживаний человека. Оно служит испытанием его сокровенных сил на путях к свободе. Страдание – не самоцель, а средство постижения духовной умиротворённости, выражение огромного человеческого духовного потенциала. Никакие теологические системы, никакие авторитеты не могут прекратить человеческих страданий и мучений.

Итак, подходя к сущностной составляющей нашего диссертационного исследования, отметим: В.Франкл был убеждён, что не только в творчестве и радости жизнь может быть осмысленной, но также и в страдании! Такой ход мыслей совершенно чужд тривиальной этике успеха. Однако взгляд на повседневную оценку ценности и достоинства человеческого существования сразу же раскрывает ту глубину переживаний, в которой вещи сохраняют свою значимость совершенно независимо от любого результата вообще.

По мнению Франкла, здесь уместно вспомнить о произведении Л.Н.Толстого «Смерть Ивана Ильича». «В нём изображается буржуазное существование, глубокая бессмысленность которого становится ясной его носителю лишь непосредственно перед его неожиданной смертью. Но благодаря пониманию бессмысленности своего существования герой уже в последние часы своей жизни перерастает себя самого и достигает такого внутреннего величия, которое освещает всю его предыдущую жизнь и делает её глубоко осмысленной. Ведь может случиться и так, что жизнь получает свой последний смысл не только благодаря смерти – как у героя этой повести, – но в самой смерти».²⁵

Во второй главе «Специфика философского толкования страдания у В.Франкла» показано, что, раскрывая философское значение страдания,

---

²⁴ Камю А. Бунтующий человек: Философия, политика, искусство. - М.: Политиздат, 1990. - С. 90

²⁵ Гуревич П. С. Философия: Учебник для психологов. – М.: Изд-во Моск. Психол.-соц. Ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. - С. 974-975

В.Франкл опирается прежде всего на уникальность смысла самой жизни. Человек не способен охватить силой разума целостную картину «сверхмира», точно так же, как животные, находящиеся в своей среде, неспособны охватить многогранность человеческого мира, ведь главенствующее, венчающее живую природу положение человека, является таковым лишь по отношению к царству животных.

Скорбь и раскаяние, например, с прагматической точки зрения лишены всякого смысла – кажется бесполезным страдать из-за того, что уже стало судьбой, что изменить уже никто не в силах. Однако, для внутренней жизни человека эти чувства полны уникального смысла: скорбь по потерянному чувству или человеку помогает нам вновь и вновь вызывать некогда реально существовавший образ в своей памяти; раскаяние же духовно очищает виновного и тем самым в какой-то мере способствует искуплению его вины.

Вина уже сама по себе предполагает наличие ответственности, а потому находится с ней в диалектическом взаимодействии – благодаря искреннему раскаянию человек способен мысленно возратить всё содеянное назад, переоценить свои действия с нравственной, моральной и духовной точки зрения.

Ещё одной стороной смысла страдания является убеждение человека от духовной вялости, апатии. К проблеме душевной лени были прикованы умы многих учёных и писателей. А.Пушкин, например, полагал, что «скука есть одна из принадлежностей человеческого существа».²⁶ Присоединился к поэту и А.Шопенгауэр, отмечавший, что человеческая жизнь болтается между тревогой и скукой, «ибо несомненно, нужда и скука суть два полюса человеческой жизни».²⁷

Однако Франкл рассматривал скуку отнюдь не в негативном смысле. Он определял её как постоянное напоминание о необходимости трудиться: «...Скука существует для того, чтобы мы бежали от бездействия и должным образом оценили смысл нашей жизни».²⁸ Понимание глубокого смысла эмоционального, как антропологического феномена коренится в каждом человеке. Данное утверждение В.Франкл подтверждает примером особого вида меланхолий, которые характеризуются невозможностью испытывать печаль. Пациенты, страдающие этим душевным недугом, жалуются на то, что не в состоянии заплакать; они осознают свою эмоциональную холодность и говорят о внутреннем омертвлении. Эти люди испытывают настоящее отчаяние от невозможности изведать чувство печали.

Как судьба и смерть являются неотъемлемой частью жизни, так горе и страдание составляют целостность психики человека. Отделить друг от друга жизнь и смерть, счастье и страдание значило бы лишить бытие его

---

²⁶ *Королькова А. В.* Словарь афоризмов русских писателей. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2005. - С. 406

²⁷ *Шопенгауэр, А.* Мысли / Артур Шопенгауэр; пер. с нем. Ф. В. Черниговца. – М.: АСТ, 2006. - С. 38

²⁸ *Франкл В.* Человек в поисках смысла, М.: Прогресс, 1990. - С. 225

уникального содержания. Вспомним В.Белинского: «Не знающие страдания не знают и блаженства».²⁹

Вместе с тем, Франкл предостерегает воспринимать страдание в качестве реакции на неотвратимость ситуации. «Нести свой крест»³⁰, – поясняет он, можно лишь в том случае, когда оказываются использованными все возможности реализации творческих ценностей. И только при отсутствии каких бы то ни было возможностей воздействия на судьбу, человек прибегает к реализации ценностей отношения.

Только оправданное, неизбежное страдание является нравственным достижением.

При любых обстоятельствах, считает Франкл, человек должен и способен занять осмысленную позицию по отношению к ним. И наоборот, любая покорность судьбе порождает, в конечном итоге, чувство злобы и обиды.

Таким образом, смысл страдания неразрывно связан с трудом и созиданием, даже если под трудом подразумевается душевная стойкость и выдержка, а не создание конкретных творческих или материальных объектов.

В.Франкл в подтверждение своих слов приводит следующий пример: «Когда несколько лет тому назад награждались за высочайшие достижения английские бойскауты, то награды получили три мальчика, которые лежали в госпитале по поводу неизлечимых болезней, но оставались мужественными и стойко переносили свои страдания. Таким образом, страдание затрагивает область самых высоких в экзистенциальном смысле ценностей отношения, хотя авторитет их наиболее низок, так как человек обращается к ним лишь на пределе использования других категорий ценностей».³¹

Состояние страдания известно, к сожалению, каждому существу, живущему на земле; разница состоит лишь в его силе, глубине и форме. Хотя страдание как душевное состояние имеет антропологический характер, его наличие обнаруживается и у животных с высокой нервной организацией. Многие животные испытывают не только инстинктуально-телесные муки – боль, голод, страх, но обнаруживают подчас и почти человеческие черты. Вспомним многочисленные примеры преданности собак, которые после смерти своего хозяина тосковали по нему столь безмерно, что эта тоска приводила к их собственной кончине. Или другой известный пример, воспетый поэтами, – лебедь, потерявший свою лебёдушку. Он поёт прощальную песню, чтобы затем камнем упасть вниз, насмерть разбившись о землю. Можно ли такое поведение животных рассматривать лишь с точки зрения его инстинктуальной обусловленности?

---

²⁹ *Королькова А. В.* Словарь афоризмов русских писателей. –М.: Рус. Яз. – Медиа, 2005. - С. 38

³⁰ *Франкл В.* Психотерапия на практике: Пер. с нем.. - СПб.: Речь, 2001. - С. 113

³¹ *Там же*, С. 113-114

Логотерапия³² основывается, прежде всего, на сопоставлении экзистенции с духом и её мотивации через дух. Согласно Франклу, сущность человека состоит в его включённости в мир смысла и ценностей и находится одновременно в полярном поле напряжения между бытием и долженствованием. Бегство же от этого напряжения есть невроз, ибо чем более снижено напряжение, тем меньший элемент свободы вносит человек в свои действия и тем большую значимость в них обретают биологические, психологические и социологические составляющие. Психолог подчёркивает, что имея в своей душе идеальный образ, к которому человек невольно стремится, личность оказывается раздираема противоречиями: с одной стороны она имеет определённые ценностные ориентации, с другой же обусловлена бытием и долженствованием.

Жизнь на пределе человеческого существования обнажает всю многогранность мира людей, раскрывает бездонные глубины человеческой души, весь сплав добра и зла. Страдания и горести, «распылённые» при обычном течении жизни и потому менее зримые, в ситуациях, приближающихся к пределу человеческих возможностей, спрессованы и сконцентрированы. И потому всё то глупое, низкое и опасное для окружающих людей, что составляет основу инстинктов самосохранения человека, смело выходит на поверхность со зловещей обнажённостью. Однако даже в подобных ситуациях всё зависит от находящегося в эпицентре коллизий судьбы человека. Именно в предельной ситуации, в горниле страданий и мучений обнаруживается его суть. Следует согласиться с выводом В.Франкла: человек есть свободное существо, ответственное однако перед самим собой и перед другими людьми; человек есть существо, постоянно, при любых обстоятельствах делающее свой выбор, принимающее своё решение.

Ведя разговор о ценностях, реализуемых человеком, необходимо подчеркнуть, что имеются в виду не только «вечные», общие для всех непреходящие ценности, но, главным образом, ситуативные, различные для каждого человека. Каждая человеческая судьба уникальна, возможности, предоставляемые индивиду неповторимы и специфичны. Различные ценности, соединяемые с уникальными для каждого возможностями, составляют принципиальную неповторимость его существования и образуют, таким образом, конкретную специфическую задачу для отдельного индивида, понимаемую в качестве неотделимого элемента его судьбы.

В литературе утвердилось предположение, что страдание есть состояние, противоположное наслаждению. Так ли это? Почему бы не предположить, что страдание само является наслаждением? В связи с этим в главе рассматривается одна из составляющих страдания – насилие.

---

³² Логотерапия – один из видов экзистенциальной терапии, основанный Виктором Франклом. Согласно логотерапии, развитие личности обусловлено стремлением к поиску и реализации уникального для каждого человека смысла жизни.

Душевная и физическая боль другого человека является отличным инструментом манипулирования им, с помощью причинения боли возможно достижение различных личных и общественных целей и собственных благ. Причинение боли другому как самоцель существенно отличается от насилия, имеющего целью приумножить свои собственные блага за счёт не своих, а чужих ресурсов. С помощью насилия одни индивиды подчиняют себе других, используя в своекорыстных целях их интеллектуальные способности, производительные силы, наконец, собственность.

Насилие в таком случае представляет собой разновидность отношений власти, где одна воля господствует над другой. Такое господство, конечно же, отличается от правового принуждения, в основе которого лежит предварительный договор о сознательном приуменьшении человеком части своей свободы и передачи полномочий для решения определённых вопросов другим лицам. Так же отличается оно и от патернализма, где в целях недопущения неправильных действий, могущих повлечь за собой несчастье, незрелая воля (например, детская) оберегается зрелой (взрослой) и будет впоследствии одобрена первой. В обоих последних случаях, как мы видим, имеет место согласие тех, против кого направлено насилие. Мы же ведём речь о таком насилии, на которое согласие не может быть получено в принципе. Отличаясь от общественных форм принуждения своей предельной жестокостью, сравнимой разве что с природной борьбой за существование, от последней оно отличается тем, что апеллирует к понятиям общественного блага и справедливости. Таким образом, устанавливается закон силы, которому нет места в рамках человечности и разумности.

Страдание имеет глубокий жизненный источник – оно может быть мазохистским, не связанным с попыткой его преодоления, может являться источником садистских наклонностей человека. В любом случае, как показывает нам В.Франкл, каждый человек самостоятельно, исходя из своей личной свободы и ответственности, решает чему отдать предпочтение – личностному росту, стремлению каждую ситуацию использовать для попытки реализации жизненных ценностей (ценностей творчества, общения и отношения) или же низверганию себя в пучины низменности и очерствения сердцем.

В третьей главе «Философское постижение страдания в контексте духовного роста личности» отмечается, что вопрос о смысле страдания является фундаментальным вопросом, волнующим человечество на протяжении всей истории его существования.

На протяжении веков физические и душевные недуги сопровождают человека и омрачают его существование. Есть ли смысл в болезнях, печалях, тревогах и горестях? Даны ли они нам свыше для преодоления нашего эгоизма, замкнутости на себе; характеризуются ли они более глубоким проникновением в мир чужой души? Наделяет ли нас переживание собственной физической или душевной боли способностью

чутко реагировать на боль другого? Не будит ли в нас собственный опыт страдания желание бережно относиться ко всему тому, что окружает нас – к людям, к животным, к природе в целом. Выступает ли страдание основой душевного роста и преодоления в себе зла или оно является неизбежным следствием слепых сил природы? Быть может, мы имеем дело с отношением бездушной мировой вселенной к человеку как к малой песчинке живой материи; быть может, в эту вселенную человек был некогда брошен не по своей воле и теперь он вынужден подчиняться её законам.

В.Франкл, обнаруживая в нашем времени тенденцию к недостатку осмысленности бытия и душевной устремлённости к идеалам и, напротив, избыток поглощённости бытовой стороной жизни и связанных с ней материальных удобств, писал: «Существует не только патология стресса, но так же патология отсутствия напряжения. В эпоху экзистенциальной фрустрации мы должны опасаться не столько напряжения как такового, сколько недостатка напряжения, возникающего вследствие потери смысла. Я считаю опасным заблуждением для психического здоровья ту точку зрения, что человек прежде всего нуждается в гомеостазе. Что человеку действительно нужно – так это достаточное напряжение, возникающее в результате появления смысла, который он должен реализовать.»³³

Так и Бердяев обнаруживал в человеке тягу поиска своего личностного ядра и одновременно – трудность расставания с безмятежностью пребывания в рамках своей индивидуальности. Бердяев, как уже отмечалось ранее, определял человека отличным от животного с позиций надления первого даром страдания, лишённость которого отнимала бы у человека и его духовность. «Духовность в этом мире всегда остаётся связанной с опытом страдания, с противоречиями и конфликтами в человеческом существовании, со стоянием перед фактом смерти и вечности. Существо вполне довольное и счастливое в этом мире, не чувствительное к злу и страданию и не испытывающее страдания, совершенно бестрагичное, не было бы уже духовным существом и не было бы человеком... Не оптимистическое, а пессимистическое чувство жизни говорит о высшем достоинстве человека и о его призванности к вечности... Если бы всё стало целесообразно в мире, исчезли трагические противоречия жизни и не было бы больше страданий, то у человека исчез бы дар трансцендирования самого себя, подъёма к трансцендентному».³⁴ Именно это вопрошающее напряжение между существующим и желаемым подвигает человека на творчество, сомнение и поиск.

Таким образом, в страдании заключается глубинный смысл. Личность человека обретает возможность расти и совершенствоваться лишь в случае постоянного движения вперёд, к новым и более высоким целям.

---

³³ Франкл В. Воля к смыслу // Пер. с англ. - М.: ЭКСМО – Пресс: Апрель пресс, 2000. - С. 86

³⁴ Бердяев Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Н. А. Бердяев. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. - С. 413-414

Физические и душевные страдания, эти «удары молота судьбы»³⁵, подстёгивают человека и не дают ему остановиться в своём развитии и невольно принуждают совершенствоваться. Как физическая боль является естественным регулятором человеческой жизни и предупреждает его об опасности, так и страдание, внося дискомфорт в плавное течение жизни человека, указывает на духовные и душевные проблемы, требующие особого рассмотрения личностью. Человек получает возможность корректировать свою личностную структуру и влиять на свою судьбу, а если это невозможно – достойно переносить лишения и тяготы жизни, совершенствуясь нравственно и духовно. Следовательно, страдание не только оберегает человека от нравственного бездействия, но и вызывает кардинально преобразующее духовное напряжение.

Страдание пронизывает всю нашу жизнь, доставляя нам душевный и физический дискомфорт; перед ним невозможно отступить и от него нельзя скрыться, ибо нельзя скрыться от самой жизни. Но мудрая Природа позаботилась о том, чтобы человеческий род был способен выдержать посылаемые ему мучения. Сам фактор времени является естественным невидимым контролёром страдания, благодаря которому люди не потеряли рассудок от постоянных огорчений, слёз и утрат. Наоборот, повторяющаяся структура исторических и биологических ритмов, где на смену физической боли и душевным мукам приходит облегчение и радость победы, позволяет человеку воспитывать в себе мужество и волю. Так, за мучениями, предшествующими рождению ребёнка, о которых доподлинно знает только женщина, следует радость рождения новой жизни. О муках материнства большинству девочек известно ещё до их замужества, однако счастье, связанное с рождением ребёнка, вызывает к жизни такие мощные движения души, что страх боли отходит на второй план.

Боль является естественным коррелятом жизни. Она служит средством предупреждения об опасности и таким образом способствует сохранению жизни. Страдания, порожденные физической болью, носят так же и познавательный характер. Благодаря физическому страданию, считает христианский философ К.С.Льюис, человек отделяет добро от зла, проводит границу между истиной и заблуждением. В этой связи философ говорит о скрытом и явном зле. К первому он относит неосознаваемые нами ошибки и грехи, и чем грубее и черствее душа человека, совершающего эти ошибки, тем меньше душевных мук и угрызений совести он испытывает. Боль же и страдание привлекают внимание сразу. Их невозможно не заметить, мимо них не пройти. Они явствуют со всей определённой, что у личности не всё в порядке. К.С.Льюис пишет: «Мы можем не замечать наших грехов, глупостей и даже удовольствий, но страдание не заметить нельзя. Господь говорит с нами тихо, доставляя нам радость, беседуя с нами голосом совести, и кричит, напуская страдания. Страдания – мегафон Божий».³⁶

---

³⁵ См. Франкл В. Человек в поисках смысла М.: Прогресс. 1990. - С. 227

³⁶ Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. - М.: Республика, 1992. - С. 158 (432)

И наоборот, сознательное уклонение от боли и страданий, желание мысленно предугадать и заблаговременно устранить возможную причину их появления может оказать человеку плохую услугу, ибо исключая страдания мы лишаемся одновременно и многих радостей. Известный публицист Григорий Померанц, повествуя о событиях своей молодости, рассуждает, что боязнь больших страданий может перекрывать возможность большой радости и душевного роста. Философ рассуждает, что, например, чувство любви, как переживание внутреннего голода и стремления к единению с предметом своей любви, мы зачастую подвергаем логическому анализу и соотносим его с принципами мудрости и полезности. Так, по словам философа, и произошло в его студенческие годы, когда любовь, поразившая юношу в самое сердце, была насильно втиснута в достойные рамки дружбы. Г.Померанц пишет, что на тот момент он считал свой поступок очень мудрым. Однако впоследствии он раскаялся, ибо понял, что отбросив любовь он помешал душе расти. События своей юности Г.Померанц соотносит с более зрелым возрастом. Философ вспоминает годы своего заключения в лагере МВД. Время его изгнания было освещено любовью к одной заключённой. Г.Померанц рассказывает, что за два года он пережил то, о чём читал только в книгах. Муки любви смешивались со взлётами ликования. Склонность к рациональности обогатилась глубиной спонтанных душевных переживаний.

Итак, сделаем вывод: человек, бегущий от проблем, обрекает себя на душевный застой и деградацию. Это совсем не означает, что нужно искать лишения и активно притягивать их к своей судьбе. Как известно, Иисус Христос не искал креста, а наоборот, просил у своего духовного отца избавления от уготованных ему страданий. Однако, приняв крест, Христос достойно нёс его до самого конца. И нам известен результат – глубочайшее преобразование, взлёт на невиданные доселе высоты духовности, и – возрождение.

Слабоволие человека служит ему плохим оправданием, ибо, оправдывая себя, человек себя же и обманывает. Он демонстрирует окружающим не только отсутствие в своей жизни цели и неумение принимать определённые решения, но и нежелание укрепления своей воли. Однако судьба, этот строгий вдохновитель души, вмешивается в жизнь людей и заставляет их пересмотреть своё существование, развить в себе определённые нравственные качества, пускай даже перед самой своей кончиной.

В предельной ситуации судьба, посылая человеку страдания и даже смерть, предоставляет тем самым ему возможность изменения и духовного роста. Перед лицом страдания личность учится проявлять силу характера, собирать свою волю «в кулак» и достойно и смело встречать перемены. Такие преобразования становятся для человека истинным метафизическим достижением, хотя в сфере физической его настигает смерть.

В.Франкл, как и многие тысячи людей, испытал на себе трагизм двадцатого столетия. Как и тысячи людей, повинных лишь в

принадлежности к определённой национальности, прошёл ужасы нацистских концентрационных лагерей. Однако ещё до войны Франкл в целом оформил разработку теории детерминированности поведения человека поиском смысла и понимания смысла как главной движущей силы его личностного роста. И в условиях концентрационных лагерей эта теория прошла беспрецедентную проверку. Согласно наблюдениям доктора Франкла, наибольшие шансы выжить в невыносимых условиях были не у тех, кто обладал более крепким здоровьем, а у тех, кто отличался наиболее крепким духом, то есть, кто имел смысл, ради которого стоило, во что бы то ни стало, жить. Сохранить себя как личность, не сломаться под гнётом унижений и нечеловеческого обращения позволяет «упрямство духа», как Франкл называет способность переносить обрушивающиеся на тело и душу удары судьбы.

В свою теорию смысла философ вводит представление о ценностях как об универсалиях, позволяющих сделать свою жизнь осмысленной. Ответ на вопрос о значимости нашего бытия может быть найден: «Во-первых, с помощью того, что мы даём жизни (в смысле нашей творческой работы); во-вторых, с помощью того, что мы берём от мира (в смысле переживания ценностей) и, в-третьих, посредством позиции, которую мы занимаем по отношению к судьбе, которую мы не в состоянии изменить».³⁷ Но в русле нашего исследования мы опустим обсуждение ценностей творчества и переживания и подробно остановимся на ценностях отношений. Именно с этой группой ценностей связан пафос и новизна подхода В.Франкла. Он уделяет наибольшее внимание тому обстоятельству, что даже в безвыходной ситуации, – то есть при таком стечении обстоятельств, которое делает невозможным вмешательство человека с целью их изменения, – при максимальном душевном или физическом страдании, человек волен занять осмысленную позицию по отношению к ней и придать своему страданию глубокий жизненный смысл.

Понятие свободы по отношению к своим страданиям Франкл неразрывно связывает с понятием ответственности и с совестью, называя последнюю органом смысла. Ответственное отношение к своей жизни и ко всем радостям и особенно, страданиям, тесно связанным с её течением, философ приравнивает к жизненной задаче, обязательной для каждого человека. Судьба, как и смерть, является частью самой жизни и не позволяет человеку выйти из её конкретных и неповторимых рамок. Под судьбою Франкл понимает такие обстоятельства жизни, которые человек не в силах изменить и которые он должен принять как данность. Философ разделяет понятие судьбы и те жизненные коллизии, которые явились следствием противоправных или безнравственных действий и за которые человек должен выпить искупляющую чашу своей вины. Таким образом, речь идёт о страданиях, посланных судьбой, а не вызванных ударами совести или наказанием за преступление.

---

³⁷ *Frankl V / Psychotherapy and existentialism. New York: Simon and Schuster 1967. – X, P. 15*

Человеческая свобода не означает оторванность от судьбы. Наоборот: «Свобода без судьбы невозможна; свобода может означать лишь свободу по отношению к своей собственной судьбе. Каждый человек свободен. Но он не свободно парит в безвоздушном пространстве, а окружён множеством взаимосвязей. Эти взаимосвязи являются, однако, точками посягательства на его свободу.»³⁸ Жизнь человека является, таким образом, бытием, каждый раз решающим, чем ему быть. По Хайдеггеру, страх перед неумолимыми силами судьбы, а так же страх от осознания человеком конечности своего существования наталкивает личность на необходимость преодоления этого страха и на осмысленное отношение к жизни.³⁹ Для Хайдеггера опыт тревоги не только освобождает человека от мертвящего конформизма, но и открывает ему его собственное бытие как бытие ответственной за свое существование личности, способной к решительным действиям.

Невозможно навязать человеку смысл. Он должен быть найден самостоятельно. Процесс нахождения смысла уникален в каждой ситуации. Он каждый раз представляет собой «требование момента»,⁴⁰ направленное на осознание конкретному человеку в конкретный момент его жизни. Франкл убедительно доказывает, что нет такой ситуации, которая была бы лишена смысла и нет так же человека, которому его судьба не приготовила бы определённую задачу. Однако, такая задача не обязательна для решения: жизнь лишь предоставляет возможность реализации тех заложенных в личности потенциалов, которые реализуются либо под воздействием самостоятельных волевых качеств личности, а так же её нравственного желания достичь духовного совершенства или простого стремления к нему, либо благодаря вмешательству судьбы.

Таким образом, человеку каждый раз предоставляется свобода выбора между удобным, привычным, но не ведущим к совершенствованию существованием с одной стороны, и активным, деятельным бытием, изобилующем лишениями и страданиями, но наполненным так же и душевным ликованием от радости собственных побед. Именно трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть, позволяет по-новому взглянуть на собственную жизнь и, преодолев себя и своё горе, взойти на более высокую ступень духовности.⁴¹ Христианский философ И.Ильин пишет: «Страдание свидетельствует о расхождении, о диссонансе между страдающим человеком и богосозданной природой: оно выражает это отпадение человека от природы, означая в то же время начало его возвращения и исцеления. Страдание есть таинственное самоцеление человека, его тела и души: это он сам борется за обновление внутреннего строя и лада своей жизни, он работает над своим преобразованием, он ищет

---

³⁸ Франкл В. Психотерапия на практике. СПб.: «Речь». 2001. - С. 76

³⁹ Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. - С. 141

⁴⁰ см. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990. - С. 39

⁴¹ см. Ильин И. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: ДАРЪ, 2005

«возвращение».⁴² Страдание может прекратиться лишь тогда, когда человек справится со своей задачей и достигнет поставленной ему судьбой определённой цели. Бегство от страданий не представляется конструктивным решением проблемы. «Ослепление» себя алкоголем или наркотиками может только на какой-то промежуток времени помочь человеку забыться. Однако убирая, по возможности, страдание из физической области, мы не в силах забыть их на уровне духовном. Как червь будут глотать они человека изнутри, не давая ему успокоения.

Уход человека от страданий в иллюзорное бытие алкогольного или наркотического опьянения служит средством подавления отрицательных эмоциональных переживаний, что приводит, в конечном счёте, к постепенному убийству собственной внутренней жизни. Страдающий человек, по мнению И.Ильина, должен проявлять терпение и не предаваться отчаянию. Выход может быть найден в творческом восприятии и отношении к переживанию. Таким примером может служить телесная боль. Наряду с выявлением органических ошибок, приведших к её появлению и медикаментозными средствами, призванными устранить эти ошибки и прекратить страдания тела, человеком должна быть предпринята попытка «настолько повысить и углубить свою духовную жизнь, чтобы её интенсивность и её горение отвлекли запасы жизненной энергии от телесной боли».⁴³

Э.М.Ремарк в своём романе «Жизнь взаимы» красочно обрисовывает пациента туберкулёзного санатория, который смог подняться над своими физическими страданиями и благодаря силе своего духа не только продлил свою собственную жизнь, но и наполнил содержанием жизнь других пациентов, являя им пример «упрямства духа», как сказал бы Виктор Франкл.

Ремарк так описывает своего героя:

«Старик лежал на узкой кровати в узкой комнате. Рядом с кроватью на ночной тумбочке стояла шахматная доска.

Старика звали Рихтер. Ему было восемьдесят лет, двадцать из них он провёл в санатории. Рихтер был пациентом, которым гордился весь персонал. Когда главному врачу попадались малодушные больные, он всегда указывал им на Рихтера. Тот был для него настоящим кладом – он был при смерти и всё же не умирал. <...> Шахматы были страстью Рихтера».⁴⁴

Франкл, говоря об ответственности человека перед своей душой, подразумевал, что никто не принуждает его совершенствоваться, это лишь его право и его выбор. Выбор оставаться индивидуальностью или дорости до личности. Н.Бердяев определяет человеческую сущность как

⁴² *О пользе страданий и лишений* / сост. А. Баранов – М.: ОБРАЗ, 2006. - С. 21

⁴³ *Там же*. С. 23-24

⁴⁴ *Ремарк Э. М. Жизнь взаимы*. Том 8. – М.: АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1992. - С. 30

сосуществование двух категорий – индивидуума и личности. Первая связана с принадлежностью к определённом роду, социальному классу. Индивидуум, обладая собственным телом и собственной душой, детерминирован, однако, материальным миром и социальной средой. Индивидуум не обладает той степенью свободы, которая характерна для личности. Прячась в конформизм и оправдывая свои действия, или же своё бездействие, требованиями приватной порядочности или исполнением долга, индивид снимает с себя личную ответственность за свои поступки. Иначе поступает личность. Она противопоставляет себя всему автоматическому, заложенному в психической и социальной структуре человека.

Бердяев пишет, что личность является сущностью другого измерения. В то время как индивидуум принадлежит земному и определяется земным, личность принадлежит Богу. Личность послана в мир земной для преодоления рабства души, для её роста. Лишения и страдания, посылаемые человеку роком, обращены не к индивидууму в нём, а к его личности. Человек является гражданином двух миров – мира земного и мира духовного. Соединяя в себе одновременно и индивида и личность, он уже обрёл себя в мире телесном. Его экзистенциальные мучения и страдания связаны с обретением другого мира – духовного. Человеку принадлежит свобода выбора – вырасти до личности или остаться индивидуумом. Это его свобода и его ответственность.

Только личность, как структура духовности, способна обращаться к духовному – к любви, восхищению, жалости и состраданию. Таким образом, собственные страдания, физические и душевные, делают более понятными страдания другого, уберегают нас от эгоцентричности, дают возможность приблизиться к постижению универсального духовного мира. Бердяев пишет: «Существование личности предполагает существование сверхличностных ценностей. Личности человека нет, если нет бытия, выше её стоящего, если нет того горнего мира, к которому она должна восходить. Личности нет, если нет сверхличностных ценностей, и личности нет, если она лишь средство сверхличностных ценностей».⁴⁵

Неумение сострадать означает недостаток духовной широты. И наоборот, чем душевно богаче, независимее человек, тем более способен он отвлекаться от мыслей о себе самом и задумываться о возможном благом участии в судьбах окружающих его людей. В.Франкл рассказывает о драматических событиях, произошедших в последние дни жизни одного молодого человека, медленно умиравшего в больнице от опухоли спинного мозга. Парализованный, он подбадривал и развлекал других больных рассказами и чтением книг. Когда же ему отказали руки, он мужественно принял на себя роль советчика и наставника больных. Всем своим существом он демонстрировал пример стойкости и мужества, так необходимый находящимся рядом с ним пациентам.

---

⁴⁵ *Всемирная философия. XX век* / Авт.-сост. А. П. Андриевский. – Мн.: Харвест, 2004. - С. 142

В то время как многие психологи трактуют страдание как состояние, угрожающее психическому здоровью человека, а так же соотносят его с появлением неврозов и психозов, Франкл даёт ему положительную оценку. Не только само страдание, но и его особенности и способы переживания имеют глубокий смысл – они уберегают человека от душевного окоченения и апатии, делают его нравственно богаче и духовно сильнее. Страдание, как состояние разорванности между наличествующим и желаемым является, прежде всего, состоянием неустойчивости. Удовольствие же, напротив, непротиворечиво. Однако оно не способно придать жизни смысл, ибо своей устойчивостью отрицает внутреннюю борьбу и развитие.

Страданий не следует бояться, от них не стоит бежать. Отношение к ним человека позволяет проникнуть в его внутреннюю сущность и означает возможность совершенствования.

Растворение в высшей сущности нельзя считать отходом от работы над собственной личностью, так как оно предполагает обретение и возвращение необходимых, присущих данному высшему объекту, качеств. Это может явиться свидетельством большой плодотворной работы души, стремления к совершенствованию личностных достижений человека. Но существует и обратная тенденция – растворение в недрах собственной индивидуальности с целью покорения высшей сущностью и нежелание активного преодоления жизненных трудностей. К.Хорни склонна видеть в этой тенденции базисное определение мазохизма. Психолог пишет: «...Общим знаменателем в мазохистских фантазиях является чувство, что ты воск в руке мастера, лишённый всякой воли, всякой силы, предоставленный в полное распоряжение другого. <...> Подчиняет ли невротик себя другому лицу или судьбе и каково бы ни было то страдание, которому он позволяет захватить себя, – независимо от этого удовлетворение, которого он ищет, состоит, по-видимому, в ослаблении или стирании собственного индивидуального «Я». Тогда он прекращает быть активным действующим лицом и превращается в объект, лишённый собственной воли».⁴⁶

Пожалуй главнейшим, на что необходимо обратить внимание, является факт избегания мучеником страданий как таковых. На первый план выходит демонстративная жертвенность. Фантазии и проекции составляют основу психических переживаний, связанных с феноменом мученичества. Ощущение виновности – ещё один главный постулат мученика. Американский психоаналитик Лин Коуэн пишет: «Мученики виноваты постоянно. <...> В то же время мученик отрицает свою вину, проецируя её на других: «Это *вы* заставили меня чувствовать себя виноватым!» или «Если бы только *он* мог видеть, что *он* со мной делает!»⁴⁷

Главная установка мученика – приверженность к жалобам на окружающих и к оправданию себя, к отсутствию глубоких привязанностей.

---

⁴⁶ К. Horney. The Neurotic Personality Of Our Time. N.Y.:W. W. Norton & Co, 1937 М.: Прогресс – Универс, 1993 Терминологическая правка В. Данченко К.: PSYLIB, 2006

⁴⁷ Коуэн Линн Мазохизм: Юнгианский взгляд / Пер. с англ. – М.: Когито Центр, 2005. – С. 105

Нежелание и неумение объективно оценивать свои действия вызывает жалость к самому себе с одной стороны, и отсутствие сострадания – с другой; чувство полной беспомощности вытесняет рациональные суждения о возможности некоторой собственной ограниченности. В страдании мученика отсутствует глубина. Его переживания не являются осознанными и поучительными. В то время как страдания мазохиста глубинны и основываются на его внутреннем естестве, страдания мученика поверхностны и требуют внешней обусловленности. «Мученик движется по горизонтали в поисках источника, способного причинить ему страдания. В отличие от него мазохист (чаще всего без всякого успеха) кричит и отталкивается ногами от почвы, пытаясь преодолеть земное притяжение, но всё равно терпит поражение и падает вниз».⁴⁸

Мученичество и мазохизм отражают две разные позиции по отношению к страданию. С позиции мученика страдания представляются тем, чего должно избегать, но чем в то же время можно манипулировать для своей пользы. Поле деятельности для мазохиста гораздо шире. Задаваясь вопросами «Как?» и «Зачем?», существенно отличными от вопроса мученика «Почему именно Я?», он принимает и понимает, осмысливает свои страдания. Для него очевидны не только их природа, но и их цель.

В четвертой главе «Феномен страдания в контексте смысла жизни» проводится мысль Франкла о том, что постановка вопроса о смысле жизни можно приравнять к выражению самого человеческого, что есть в человеке. Кризис не является необходимым для здорового роста личности, но он практически неизбежен. Свой личный смысл человек может приобрести лишь в мире, то есть в том, что является внешним по отношению к нему и с чем он может взаимодействовать. В процессе такого взаимодействия познаётся и мир, и собственная внутренняя суть, ибо личностная составляющая неизбежно включается в акт познания. Утрата смысла связана, таким образом, с нехваткой подобного взаимодействия или сознательным отказом от него, то есть с нежеланием отвечать на вопросы, которые ставит перед человеком жизнь или с нежеланием слышать их.

Основными проявлениями экзистенциального вакуума являются скука и апатия. Полемизируя с Фрейдом, который писал: «Когда кто-то спрашивает о смысле и ценности жизни – он болен»⁴⁹, Франкл задаётся вопросом о возможности соотнесения экзистенциального вакуума с болезнью. Ошибочную интерпретацию экзистенциального вакуума как патологического феномена Франкл связывает с результатом его проецирования из сферы ноологии в пространство психологии. Таким образом граница между экзистенциальным отчаянием и обычным эмоциональным расстройством оказывается размытой и духовное страдание приравнивается к психическому расстройству.

---

⁴⁸ Там же, С 108

⁴⁹ Там же, С. 311

Экзистенциальный вакуум способен вызывать болезнь, то есть быть причиной ноогенного невроза⁵⁰. Однако ноогенный невроз стоит отдельно в ряду других неврозов – психогенных и соматогенных. Это – не болезнь психики и не болезнь тела. Это – метание духа. Франкл пишет: «Мы определяем ноогенный невроз как такой, который вызывается духовной проблемой, моральным или этическим конфликтом, каким может быть, например, конфликт между «Суперэго» и истинной совестью, когда последняя по необходимости противостоит первому».⁵¹ Страдание и метание духа не есть болезнь, скорее это – норма. Поиск смысла, трудность его обретения и распознавания являются не невротическим симптомом, но достижением человека, ибо обнаруживают неудовлетворение и влечение к самосовершенствованию. Как о лучшей части человеческого сообщества говорил Франкл о тех людях, которые не побоялись оторваться от уже достигнутого и устремиться к более глубокому, хотя и более трудному, требующему большого мужества, восхождению к осмысленности бытия. Но быть может, человек зря ищет смысл и зря, страдая, жаждет его обрести? Гораздо проще поверить в наличие параллельного человеческому некоего онтологического измерения, содержащего в себе характерные для каждого индивидуальные смыслы. В этом случае перед людьми будет стоять тоже достаточно трудная задача расшифровки этих смыслов. Потребность психики признать детерминированность осмысленности онтологической заданностью вполне ясна – такая позиция снимает ответственность за осознанность жизни с конкретной личности и перекладывает её на онтологический абсолют. То есть «ответ на вопрос о смысле жизни сводится в этом случае к поиску как бы заведомо существующего решения. Смысл жизни есть, как ответ на задачу в задачке – нужно его только найти».⁵² Естественно при этом, рассуждает А.Лобок⁵³, что возможно наличие как универсальной истины, так и универсального смысла для всех.

Ограничение человеком своих интересов материальной стороной жизни означает бегство от своей естественности; отсутствие неудовлетворённости от потери смысла, так же как и неустремлённость к нему, есть патология и противоестественность. Увлечение деньгами, работой, развлечениями представляет собой механизм защиты, призванный с помощью отвлечения действием или разумом не допустить соприкосновения человека со своей оголённой духовной пустотой, с экзистенциальным вакуумом. Таким образом, истинные духовные цели оказываются подменёнными ложной материальностью и в конечном итоге ускользают от ока человеческой души. «Чем меньше человек сознаёт цель, тем скорее он старается ехать», метко подмечает Виктор Франкл.⁵⁴

---

⁵⁰ В основе ноогенного невроза лежит психологический «страх пустоты».

⁵¹ Там же, С. 312

⁵² Проблема смысла в науках о человеке. Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. – С. 27

⁵³ См. Пленарный доклад международной конференции «Проблема смысла в науках о человеке» (Москва, 19-21 мая 2005 г.) «Деятельность смысла» Автор Лобок А.М.

⁵⁴ .Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990. - С 318

Как было показано, бегство *от* себя позволяет человеку не заметить пустоту *внутри* себя. Учение о смысле гласит: смысл «в принципе доступен любому человеку, независимо от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды ...»⁵⁵ Но его нахождение не является процессом познания. Это – призвание. Не человек вопрошает свою судьбу о смысле происходящих в её рамках событий, а жизнь как таковая ставит перед личностью сложный вопрос, и не только ставит, но так же и требует его разрешения.

В психологической структуре человека Франкл выделяет особое ноэтическое⁵⁶ измерение, именно в котором локализованы субъективные смыслы. Ноэтическое измерение личности невозможно свести ни к психологическому, ни к биологическому пониманию человеческой сущности. Для развёрнутого анализа ноэтического измерения Франкл делает опору на законы *димензиональной*⁵⁷ онтологии, доказывающие сосуществование в человеке антропологического единства, несмотря на онтологические различия. Первый из закон гласит: «Один и тот же предмет, спроецированный из своего измерения в низшие по отношению к нему измерения, отображается в этих проекциях так, что различные проекции могут противоречить друг другу».⁵⁸ Второй закон вносит коррективы и дополнения в первый: «Уже не один, а различные предметы, спроецированные из их измерения не в разные, а в одно и то же низшее измерение, отображаются в своих проекциях так, что проекции оказываются не противоречивыми, но многозначными».⁵⁹

Таким образом, Франкл рассуждает о специфическом, исключительно человеческом измерении, редукционистские попытки лишения которого приводят к экзистенциальной фрустрации и потере осмысленности бытия.

Современное общество – это общество изобилия во всех направлениях, начиная с материального и заканчивая информационным. На каждом шагу мы сталкиваемся с уже готовыми решениями, не требующими от нас никакого, иногда не только внутреннего, но даже и внешнего напряжения. Средства массовой информации втягивают нас в круговорот стимуляций, слепое доверие к которым в конечном итоге приводит к деградации волевых качеств личности. А ведь именно человеческая воля рождает свободу и произвольность, помогает преодолевать как внешние, так и внутренние противоречия. Свободный человек способен дистанцироваться, стать в независимую позицию по отношению к внешним обстоятельствам. Задача человека определяется самостоятельным осуществлением поиска смысла. Ведь общего смысла для всех или для отдельной группы просто не существует. Смысл всегда связан с

---

⁵⁵ Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning // Cognition and psychotherapy / M. J. Mahoney, A. Freeman (Eds.) New York: Plenum, 1985. P. 274

⁵⁶ В психике человека В. Франкл выделяет особое *ноэтическое* измерение, в котором локализованы смыслы.

⁵⁷ Frankl. Viktor E. Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie 1, 1953, S. 186

⁵⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. – МП.: Прогресс. – С. 49

⁵⁹ Там же, С. 49

конкретным человеком и с конкретным моментом его судьбы. Меняясь от ситуации к ситуации, от человека к человеку, смысл требует своего нахождения. Это – «требование момента».⁶⁰

Таким образом, осуществление индивидуального смысла формирует индивидуальную личность, осуществляя свой смысл, человек осуществляет сам себя.

В заключении даётся характеристика страдания как экзистенциальной составляющей жизни; страдание получает оценку благородного нравственного состояния устремлённости к самосовершенствованию, к возвращению высоких личностных качеств. Внутренние терзания вызывают плодотворное духовное и мыслительное напряжение, оберегают человека от апатии и духовной стагнации. На основе анализа работ В.Франкла раскрывается глубинный катарсический эффект страдания, обнаруживающийся в предельных ситуациях на грани бытия и смерти.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикация в журнале, рекомендуемом ВАК РФ:

- 1. Бабалаева М.В. Стремление к смыслополаганию как лейтмотив становления личности. // Журнал «Личность. Культура. Общество». Т. 10. Вып. 3 – 4, 2008. – 0,4 п. л.**

Публикации в журналах:

2. Бабалаева М.В. Постигание смысла страдания. // Архетип. Философский, психоаналитический и педагогический журнал, № 4`2006. – 0,7 п. л.
3. Бабалаева М.В. Метание духа как поиск смысла // Архетип. Философский, психоаналитический и педагогический журнал, № 1`2007. – 0,6 п. л.
4. Бабалаева М.В. Страдание в контексте духовного роста личности // Знание. Понимание. Умение. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, № 2`2007. – 0,6 п. л.
5. Бабалаева М.В. В.Франкл: Психолог и педагог. Концепция смысловой регуляции. // Высшее образование для XXI века: Третья международная научная конференция, МосГУ, 18–20 октября 2006 г.:

---

⁶⁰ См. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс. – С.39

Доклады и материалы. Вып. 10 / отв. ред. Н.В.Захаров, Вл.А.Луков.
— М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 0,4 п. л.

6. Бабалаева М.В. Проблема духовного роста в контексте педагогической парадигмы. // Высшее образование для XXI века: IV международная научная конференция. Москва, 18-20 окт. 2007 г.: Доклады и материалы. Круглый стол. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. Вып. 2 / отв. Ред. П.С.Гуревич. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 0,5 п. л.

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Бабалаевой Марии Викторовны

Тема диссертационного исследования:

Виктор Франкл: философское истолкование смысла страдания

Подписано в печать 18.09.2008 г.

Усл.п.л. — 2,0.

Заказ №173

Тираж: 100 экз.

ООО «Цифровичок»

Москва, Большой Чудов пер., 5

(495) 7977576

(495) 7782220

www.cfr.ru